

Возв. клуб. - 1995 -
19 авг. - с. 7.

Джин ВРОНСКАЯ:

«Не понимаю, почему русские мужчины не хотят соответствовать своим дамам?»

Британская журналистка и писательница Джин Вронская родилась в Москве. В 60-е годы уехала в Париж, оттуда — в Лондон. Работала во многих газетах. Любимый жанр — интервью со знаменитостями. В 1979 году в одном из крупнейших парижских издательств вышел первый роман Джин Вронской «Нас было пятеро», после чего ее стали называть русской Франсуазой Саган. Недавно эта книга была напечатана в московском издательстве «Терра». Свидетельство: оторваться от книги невозможно. Однако наибольшую известность приобрел глобальный многолетний труд Джин в соавторстве с лондонским радиопродюсером и журналистом Би-би-си Владимиром Чугуевым — биографический словарь «Кто есть кто в России и бывшем СССР».

— Джин, ваш журналистский стаж уже перевалил за четверть века. А с чего вы начинали?

— Начинала я как кинокритик. Писала для маленьких киножурналов, которые, кстати, почти ничего не платили мне за работу. Но все же я этот период вспоминаю с трепетом. Эта работа одарила меня знакомством с такими людьми, позволила сделать такие открытия! Помню встречу с Василием Шукшиным в Париже. Мы очень долго с ним говорили. Он признался, что опасается провокации — это же был 1972 год. Ему кто-то сказал, что беседа со мной может быть какой-то провокацией, и он поверил. Я ему говорю: «Василий, дорогой, разве можно верить всему, что вам говорят? Какой же вы наивный!» К несчастью, вскоре после нашего знакомства он умер. Я его «Калину красную» описывала уже в Лондоне.

— Получается, что самые первые шаги на журналистском поприще вы делали в Париже?

— В общем-то, да. Хотите знать, как это было? На чемодане. У меня в Париже не было комнаты и соответственно не было стола. Я писала на перевернутом чемодане, он заменял мне письменный стол. Мне довольно долго пришлось жить в отелях.

— А как вы попали в Лондон?

— У меня был некоторый выбор: работать в Мюнхене или в Риме. Мюнхен как-то не привлекал. В Рим я в принципе готова была ехать. Но остановило одно обстоятельство, вы только не смейтесь, мне кто-то сказал: итальянцы — это такой народ, такой темперамент — будут мужчины цепляться. Я поделилась сомнениями на этот счет с коллегой из «Фигаро», и он ответил: если тебе надо, чтобы вообще близко не подходили, — поезжай в Лондон. Там никто на женщин и не смотрит. Я говорю: ну уж это оскорбление, этого не может быть. Решила лично в этом убедиться.

— И каким оказался результат эксперимента?

— Оказалось, что англичане действительно очень строгий народ. Пялить глаза просто так никто не будет.

— С чего началась ваша жизнь в Лондоне?

— С экзамена на Би-би-си. Он проходил следующим образом. В приемной комиссии сидело сорок человек, и у меня, откровенно говоря, не было уверенности, что я им всем понравилась. Но в то время в Советском Союзе были глушилки. И приемная комиссия решила, что мой голос будет

через них проходить. Он и в самом деле был тогда очень...

— Звонким?

— Ну да, чтоб не сказать визгливым. И они сказали: такой голос мы возьмем. И взяли.

— А свое первое появление на Би-би-си вы помните?

— Еще бы! Я приехала туда 1 июня 1969 года с какими-то грязными дорожными сумками, чемоданом и тазом. Меня встретил один журналист, проводил в офис. Квартира, в которой мне предстояло жить, принадлежала Би-би-си, мы заехали за ключом. И вот я с этим тазом и прочим поднимаюсь на пятый этаж, где была служба Би-би-си. Там сидел в это время Владимир Чугуев. Он исхода посмотрел на меня и больше не обращал внимания. Вряд ли ему могло в тот момент прийти в голову, что это экстравагантное создание с тазом через некоторое время станет его женой. Мы поженились через несколько лет.

— Это был счастливый брак?

— Как вам сказать? Конечно, в определенном смысле он «усложнил» мне жизнь. Владимир был ведущим журналистом в русской службе Би-би-си. Мало того, он еще был лондонским корреспондентом «Свободы». Поэтому в КГБ на него было вот такое досье. Но это удивительный, талантливый, блистательный человек, я никогда не перестану им восхищаться. Кто хоть раз с ним говорил, тот никогда его не забудет. Таких вообще уже почти не осталось в этом мире. Такой в нем дух интеллигентности и порядочности. Но ведь понятно, что в те годы он был верхом неблагонравности для КГБ. Ну и я, разумеется, тоже как его жена. Провокация против нас была очень много... Кстати, когда Владимир работал на «Свободе», рядом с ним, дверь в дверь, работал автор «Бабьего яра» Анатолий Кузнецов. Некоторое время они даже в одной комнате работали.

— Ходили разные слухи о его смерти. Говорили даже, что он был убит. Это правда?

— Нет, неправда. Кузнецов умер в кресле, за рабочим столом. Он приехал из СССР сильно пьющим, больным и прожил в Лондоне меньше десяти лет. Здесь он уже не мог так пить, потому что у нас спиртное стоит дорого, его не принято пить бутылками. У Анатолия осталась крохотная дочка, ей сейчас около 16 лет. Там же рядом работал болгарин Марков, которого потом убили уколком зонтика. В общем, мы с Володей прожили довольно трудную жизнь.

— И в материальном плане?

— Конечно. Бизнесом мы не занимались, жили только на журналистские заработки. Это очень ненадежный хлеб. Я столько раз оказывалась на улице! Вот пример. Какое-то время я работала в журнале «Нау», параллельном лондонском издании парижского журнала «Экспресс». Я была парижским корреспондентом. Писала и фотографировала парижскую элиту, которая жила в эмиграции. Но журнал закрылся, и я оказалась на улице. Так, к сожалению, случалось не раз — только начнешь работать, что-то происходит, и ты оказываешься за бортом. Позже я работала у Максвелла в газете «Юропиен». Когда он таинственно умер в море, около Канарских островов, 140 журналистов оказались на улице, и я в их числе. Нам ничего не заплатили. Три года мы тщетно бились за свои права. Особенно жалко несчастных пенсионеров. Они больше всех пострадали. Один человек сорок лет работал на Максвелла и остался без пенсии. Это вообще трагедия. Западный мир красив издалека, уверяю вас. Не рвитесь туда безоглядно. Там бизнес жестокий. Легко можно оказаться под мостом.

— Джин, а чем вы занимаетесь сейчас?

— Работаю в «Индепендент», где моя должность называется так: «принсипал рашен байографер», то есть главный русский биограф. Я даже не знаю, о ком я только не писала в этой своей должности!

— Выходит, приступая к работе над «Ху из ху», вы уже имели определенный запас информации?

— Мы с Володей издали два тома этой книги. Первое издание состоялось в апреле 1989 года. Второе — в октябре 1992-го. Они быстро разошлись, несмотря на дороговизну. В первом издании было пять тысяч персоналий. Во втором на две с половиной тысячи больше. В русском издании — около шести тысяч. Но я прошу иметь в виду, что это знаменитости разного рода, есть среди них и резко отрицательные. В нашей книге есть место и ангелам, и дьяволам.

— Вы как-то адаптировали русское издание? В нем ведь намного меньше имен, чем во втором английском.

— Да, мы намеренно сдвинули тех, кто представляет сугубо английский интерес. Вместо них поставили тех, кто больше интересен русскому читателю. Или кто всплыл в последний момент.

— Это была большая работа?

— Огромная! Мы с Володей работали вдвоем, никто нам не помогал. У нас не было ни секретаря, ни машинистки. Сами все делали, у нас огромная библиотека, а у Владимира исключительная энциклопедическая память. Он многое помнит наизусть, это нас здорово выручало.

— Такого рода справочники имеют свойство через два-три года устаревать. Вас это не беспокоит?

— Конечно, беспокоит. Справочник надо обновлять. Но кто это будет делать, я не знаю. Все зависит от финансовой ситуации. Чтобы напечатать такую книгу, нужны большие деньги. Русское издание профинансировал «Славянский базар», а напечатана была книга в Германии на очень хорошей бумаге; поэтому и смотрится она очень солидно и привлекательно. Но что дальше будет с ней?

— У вас с Чугуевым дружная семья?

— Все 25 лет, что мы знаем друг друга, мы с Володей очень дружим. Эту теплую дружбу не прервал даже наш развод. Да-да, мы разведены и тем не менее остаемся большими друзьями. Временно живем под одной крышей. Скоро Владимир уедет в Нормандию в мое имение. У меня в Нормандии есть имение.

— А как вам нравятся русские мужчины здесь, в Москве?

— Это очень обидно, но я почему-то не вижу интересных мужчин старше сорока лет. Где они? У нас каждый третий в метро — интересный мужчина. Но где они в России? У ваших мужчин превалирует серый цвет. Я не вижу ничего яркого. Почему? Для меня это не так важно, я не живу в России, но мне очень обидно за моих русских подруг. Это так грустно! Хотя о женщинах такого не скажешь, среди них много не просто привлекательных, а вообще — блистательных. Почему русские мужчины не хотят соответствовать своим дамам?